КРИЗИС МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АРКТИКЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Научная статья

А.Е. Тарасов

Центр прикладного анализа международных трансформаций
Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: altarry@mail.ru

В статье анализируется кризис многостороннего сотрудничества в Арктике – регионе, имеющем ключевое значение для России как крупнейшего постсоветского государства и одного из ведущих арктических акторов. Для объяснения текущего состояния арктической динамики, характеризующейся сосуществованием конфронтации и остаточного сотрудничества, институционального коллапса при сохранении экспертных форматов диалога, предлагается концепция «контестованного управления» (от англ. contested governance). Арктика рассматривается автором с учетом взаимосвязи исторических факторов как пространство в глобальной системе международных отношений, где нормы и правила непрерывно оспариваются ключевыми игроками, а межгосударственные институты функционируют в режиме перманентной контестации[1], что представляет собой не временную дисфункцию, а устойчивый режим. Показано, что классические теории международных отношений фиксируют лишь отдельные аспекты региональной динамики. Особое внимание уделяется трансформации стратегий великих держав в Арктическом регионе, нацеленных на обеспечение «суверенитета» (Россия), «сдерживания» (США/НАТО) и «проникновения» (Китай), а также их роли в становлении нового регионального порядка. Отмечается, что ни одна из указанных стратегий не может быть реализована без учета других, что создает объективную основу для переговорного процесса, строящегося не на ценностном консенсусе, а на балансе сил и прагматическом согласовании интересов. При этом Арктика рассматривается не только как арена глобальной конкуренции, но и как важный вектор внешней политики постсоветской России, где сталкиваются наследие биполярной системы и новые вызовы многополярности. В центре внимания также находится кризис Арктического совета и других региональных диалоговых площадок. Автор приходит к выводу, что развитие арктического сотрудничества будет определяться не столько универсальными институтами, сколько двусторонними и узкими форматами с участием ключевых акторов. Концепция «контестованного управления» предлагается в качестве аналитического инструмента для изучения этой фрагментированной архитектуры и перехода от либерально-институциональной модели к постлиберальному региональному порядку.

Ключевые слова: *«контестованное управление», Арктика, Россия, международные институты, легитимность, арктические стратегии, региональный порядок, имитационный консенсус.*

Для цитирования: *Тарасов А.Е.* Кризис многостороннего сотрудничества в Арктике и становление нового регионального порядка // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 7. С. 876–886.

[1] Согласно Толковому словарю обществоведческих терминов [Яценко, 1999], контестация: 1) дискуссия, спор по общественным и художественным проблемам; 2) демонстрирование возражения, протеста; 3) соперничество.

THE CRISIS OF MULTILATERAL COOPERATION IN THE ARCTIC AND THE ESTABLISHMENT OF A NEW REGIONAL ORDER

Research article

A.E. Tarasov

Center for Applied Analysis of Global Transformations
of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
E-mail: altarry@mail.ru

The article analyzes the crisis of multilateral cooperation in the Arctic – a region of key importance to Russia as the largest Post-Soviet state and one of the principal Arctic actors. To explain the current state of the Arctic dynamics, characterized by the coexistence of confrontation and residual cooperation, as well as institutional collapse while expert dialogue formats persist, the concept of «contested governance» is proposed. The author examines the Arctic, taking into account the interconnectedness of historical factors, as a space in the global system of international relations, where norms and rules are being contested by key players and interstate institutions operate in a mode of permanent contestation, which represents not a temporary dysfunction, but a stable regime. The article demonstrates that classical theories of international relations fix only selected aspects of regional dynamics. Particular attention is paid to the transformation of great power strategies in the Arctic region, aimed at ensuring «sovereignty» (Russia), «deterrence» (USA/ NATO), and «infiltration» (China), and their role in the establishment of a new regional order. It is noted that none of these strategies can be implemented without taking others into account, which provides an objective ground for a negotiation process based not on the value-oriented consensus, but on a balance of power and the pragmatic alignment of interests. The Arctic is viewed not only as an arena of global competition but also as an important vector of Post-Soviet Russia's foreign policy, where the legacy of the bipolar system collides with the new challenges of a multipolar world. The crisis of the Arctic Council and other regional dialogue platforms is also in the spotlight. The author concludes that the development of Arctic cooperation will be determined less by universal institutions than by bilateral and narrow formats involving key actors. The concept of «contested governance» is proposed as an analytical tool for studying this fragmented architecture and the transition from a liberal institutional model to a post-liberal regional order.

Key words: *«contested governance», Arctic, Russia, international institutions, legitimacy, Arctic strategies, regional order, simulated consensus.*

For citation: *Tarasov A.E.* The crisis of multilateral cooperation in the Arctic and the establishment of a new regional order // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 7. P. 876–886. (In Russ.)

Введение. Арктический регион[1] на протяжении трех десятилетий, начиная с принятия в 1991 г. Стратегии охраны окружающей среды Арктики (от англ. AEPS)[2] и до конца 2010-х гг., рассматривался как уникальный и даже «исключительный»[3] пример межгосударственного сотрудничества, в рамках которого принципы деполитизации и консенсуса позволяли отвечать на об-

[1] При определении понятия «Арктический регион» за основу берутся подходы, изложенные в «Атласе Арктики» [Трешников, 1985], согласно которым под Арктикой понимается конкретная территория – Северный холодный физико-географический пояс, включающий арктический бассейн и арктические моря с островами, а также окраины материков Евразии и Северной Америки.

[2] Выбор 1991 г. в качестве отправной точки обусловлен тем, что именно AEPS стала первым институциональным оформлением многостороннего регионального сотрудничества, политический импульс которому был придан «Мурманскими инициативами» Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева 1 октября 1987 г.

[3] Согласно концепции «арктической исключительности» (от англ. Arctic exceptionalism), высокие широты остаются изолированными от глобальных геополитических конфликтов [Exner-Pirot, Murray, 2017].

щие вызовы. Для постсоветской России Арктика стала одним из приоритетных направлений внешней политики, где страна стремилась сохранить статус великой державы.

Институционализация многостороннего сотрудничества в Арктике развивалась в 1990-е гг. под определяющим влиянием либерально-институциональной парадигмы – с формированием механизмов мягкого права, экологической направленностью и исключением вопросов безопасности из повестки. Это привело к созданию в 1996 г. Арктического совета (АС) – межправительственного форума, призванного содействовать диалогу, координации и взаимодействию по вопросам Арктики, представляющим общий интерес[1]. Укрепление упомянутой парадигмы в региональном сотрудничестве стало, с одной стороны, результатом сознательного выбора всех арктических государств, с другой – следствием геополитической конъюнктуры. При этом характер участия России в профильных многосторонних структурах в 1990-е гг. во многом был обусловлен слабостью российского государства, его ориентацией на интеграцию в западные институты и сложившейся после окончания холодной войны асимметрией сил.

АС стал не столько воплощением либерального идеала сотрудничества в 1990–2000-е гг., сколько гибридным институтом, в котором либеральные нарративы служили легитимацией реалистичного по своей сути баланса сил. Последующий кризис организации, обозначившийся после 2014 г., выявил изначальную хрупкость, когда либеральная оболочка структуры перестала скрывать ее содержание.

События 2022–2025 гг., связанные с приостановкой полноценной деятельности АС[2], выходом России из Совета Баренцева/Евроарктического региона[3], прекращением деятельности межгосударственного формата «Северное измерение»[4], исключением России из «северной архитектуры» межпарламентских структур[5], а также усиливающимся напряжением вокруг Гренландии, продемонстрировали, что прежняя модель арктического управления утратила свою устойчивость.

В этих условиях можно выявить ряд характерных структурных проблем, ключевая из которых – использование западными странами своего подавляющего институционального большинства для политизации повестки и давления на Россию. С ней связаны и другие: игнорирование интересов остальных членов и наблюдателей, а также неспособность к выработке инклюзивных решений в условиях поляризации. Разрыв между декларируемым единством и наращивание военного потенциала участниками АС привели к ситуации, в которой многосторонние институты формально сохраняются, но их правила и решения непрерывно оспариваются.

В статье обосновывается, что наиболее адекватной рамкой для анализа этих процессов является концепция «контестованного управления», которая начинается не с контестации институтов, а с оспаривания идентичности Арктики. При этом показательно, что понятие «Арктический регион» до сих пор не получило общепризнанного определения. Акторы используют для интерпретации термина разные критерии и подходы в зависимости от политической, экономической и военной конъюнктуры [Federov, 2019: 3]. Наличие этой лакуны свидетельствует о том, что само определение региона является предметом контестации.

[1] Декларация об учреждении Арктического совета. 19.09.1996. URL: http://www.base.garant.ru/2541182 (дата обращения: 24.04.2026).

[2] Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine. 03.03.2022. URL: http://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine (date accessed: 24.04.2026).

[3] Заявление МИД Российской Федерации о выходе России из Совета Баренцева/Евроарктического региона // МИД России. 18.09.2023. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1904899 (дата обращения: 24.04.2026).

[4] Northern Dimension Policy: Joint Statement by the European Union, Iceland and Norway on its closure. European External Action Service. 24.09.2025. URL: http://www.eeas.europa.eu/eeas/northern-dimension-policy-joint-statement-european-union-iceland-and-norway-its-closure_en (date accessed: 24.04.2026).

[5] Володин сообщил о выходе России из Парламентской конференции Балтийского моря. 16.05.2022. URL: http://www.tass.ru/politika/14638831 (дата обращения: 24.04.2026).

«Контестованное управление» применительно к арктическим форматам сотрудничества можно определить как практику контестации норм и правил, а также как режим функционирования международных институтов, основанный на «принципе оспариваемости» [Wiener, 2014]. Арктический регион представляет собой «контестованное пространство», где такая практика является основой политической динамики [Ingimundarson, 2014].

Для описания периода многостороннего сотрудничества в 1990–2000 гг. автором вводится понятие «имитационный консенсус». Под ним имеется в виду формальное согласие государств, основанное не на разрешении противоречий, а на их временном откладывании в условиях асимметрии сил, для которого характерна, в том числе, неспособность институтов эффективно реагировать на кризисы, затрагивающие коренные интересы участников.

Классические теории и арктическая динамика. На основе ключевых теорий международных отношений фиксируются важные, но не полные аспекты процессов, происходящих в Арктике. С исторической точки зрения в каждой из теорий предлагается своя интерпретация развития и кризиса арктического диалога. В частности, в рамках неореализма объясняется возвращение силовой конкуренции [Waltz, 1979], но отсутствует описание того, почему институты продолжают формально существовать и сохраняют отдельные треки сотрудничества в условиях конфронтации. На основе положений неолиберального институционализма [Keohane, 1984] выявлены главные характеристики расцвета многостороннего сотрудничества в Арктике в 1990–2000-х гг., но при этом остается не выясненным, почему институты оказались не способны выполнить функцию по сдерживанию возникшего конфликта, когда разногласия государств-участников достигли уровня столкновения стратегических интересов. В конструктивизме определяется смена нарративов [Wendt, 1999], но не предоставляются инструменты для анализа того, как именно происходит оспаривание норм в реальной политике и почему изменение нарративов не ведет к демонтажу институтов.

Имеющийся теоретический вакуум призвано заполнить применением концепции «контестованного управления».

Генезис концепции «контестованного управления». Истоки концепции формировались параллельно как в зарубежной, так и в российской науке и носят междисциплинарный характер. При этом необходимо подчеркнуть, что целому ряду исследователей не удалось избежать политически ангажированной риторики, сохранить в работах академическую нейтральность и использовать взвешенный тон, сфокусированный на документальных свидетельствах и исторической логике. В этой связи важно различать теоретический инструментарий, предлагаемый тем или иным автором, и его нормативные оценки, которые нередко отражают принадлежность к определенной научной школе или политическим убеждениям. Подобное различение позволяет заимствовать плодотворные аналитические понятия в отрыве от односторонних политизированных установок, сохраняя необходимую для исторического исследования объективность.

Зарубежные подходы. Теоретический базис для изучения вопроса контестации заложила А. Винер, которая вслед за британским философом У. Галли перенесла идею «оспаривания» из области философии [Gallie, 1956: 171] в сферу анализа международных отношений. Она впервые системно описала различие между контестацией как нормативно-порождающей социальной практикой и принципом оспариваемости как ключевым принципом глобального управления [Wiener, 2014: 3]. Она не просто констатировала факт разногласий, а объяснила, как «работает» контестация, и обосновала, почему регулярный доступ к ней для всех заинтересованных сторон должен быть институционализирован для обеспечения легитимности. Хотя А. Винер не фокусировалась специально на Арктике, ее теория создала необходимый понятийный фундамент для применения концепции «контестованного управления» к региональной арктической динамике.

Базовые элементы концепции прослеживаются в работах М. Цюрна, который предложил рассматривать глобальное управ-

ление как систему, где авторитет многосторонних институтов неизбежно порождает контестацию [Zürn, 2018: 24]. По его мнению, применение институтами двойных стандартов порождает недоверие со стороны государств, чьи интересы оказываются ущемлены.

Важным звеном между идеями М. Цюрна и арктической спецификой являются работы В. Ингимундарсона, который применил понятие «контестованного региона» к Арктике, указав на фундаментальное противоречие между государственным суверенитетом и институциональной интеграцией [Ingimundarson, 2014: 1]. Он доказал, что государственные интересы определяют формы и содержание арктического управления, препятствуя развитию институтов.

Ценный вклад внесла Э.У. Роу, описавшая арктическое управление как поле, где акторы постоянно переопределяют властные отношения, в том числе используя смысловой «фрейминг» [Wilson Rowe, 2018: 38]. Когда эти смыслы сталкиваются с меняющимися обстоятельствами, «фрейминг» также изменяется, что влечет за собой контестацию.

П. Стейнберг с соавт. предположили, что политическая динамика региона определяется конкуренцией различных «имажинариев» (воображаемых образов) Арктики – устойчивых нарративов, формирующих представления о том, какой должна быть Арктика и как ей следует управлять [Steinberg, 2015: 17]. Соответственно, постоянный выбор между этими «имажинариями», по мнению П. Стейнберга, и составляет суть политической борьбы в Арктике.

Российский дискурс. Российская академическая мысль не только фиксирует кризисные явления в Арктике, но и предлагает собственные подходы, дополняющие идеи концепции «контестованного управления». Особого внимания заслуживает коллективный доклад Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» под руководством С.А. Караганова, в котором были зафиксированы ключевые тенденции, впоследствии приведшие к кризису арктического порядка [Караганов, 2021]. Авторы констатируют, что процесс «освобождения Арктики ото льда» ведет к привлечению в регион неарктических стран, перетеканию в Арктику глобального соперничества и размыванию международно-правового режима судоходства. Ключевой вывод: США и их союзники (за исключением Канады в силу ее особых интересов в Северо-Западном проходе) настаивают на «усреднении» правового статуса Арктики, что прямо противоположно происходящим в ней климатическим процессам. Таяние льдов используется для подмены понятий: вместо наращивания усилий по защите хрупкой экосистемы ряд стран добиваются ее «обычности», что ведет к ослаблению исключительных прав прибрежных государств и подрывает их суверенные интересы.

Другие российские исследователи также внесли вклад в осмысление арктической динамики. А.А. Сергунин и В.Н. Конышев показали развитие российской стратегии от «мягкой» к «жесткой» силе [Сергунин, Конышев, 2015], а также роль научной дипломатии[1]. В соавторстве с М.Л. Лагутиной они исследовали перспективы международного арктического сотрудничества, фиксируя кризис традиционных институтов и поиск новых форматов взаимодействия [Сергунин, Конышев, Лагутина, 2025].

В.П. Журавель проанализировал противостояние «Россия–НАТО» в Арктике [Журавель, 2024].

И.А. Стрельникова зафиксировала адаптацию России к отказу Запада от сотрудничества и переориентацию на взаимодействие с неарктическими государствами[2].

Интерес представляют работы П.А. Девяткина, адресованные как российской, так и западной аудитории, в которых автор пытается соединить российский эмпирический

[1] *Сергунин А.А.* Арктическая научная дипломатия в условиях геополитического кризиса // Российский совет по международным делам. 21.02.2024. URL: http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/arkticheskaya-nauchnaya-diplomatii-v-usloviyakh-geopoliticheskogo-krizisa (дата обращения: 24.04.2026).

[2] *Стрельникова И.А.* Россия в Арктике успешно адаптировалась к отказу Запада от сотрудничества // Международная жизнь. 11.02.2026. URL: http://www.interaffairs.ru/news/show/54715 (дата обращения: 24.04.2026).

материал с западными теоретическими инструментами. В анализе динамики российской арктической стратегии он пришел к выводу о колебаниях между кооперацией и соперничеством, что напрямую перекликается с идеей оспариваемости стратегических приоритетов [Devyatkin, 2026].

Исторические предпосылки контестации и «имитационный консенсус». Для выявления особенностей современного кризиса арктического сотрудничества в рамках многосторонних институтов на основе концепции «контестованного управления» представляется важным учитывать исторический контекст их создания.

В 1970–1980-е гг., несмотря на холодную войну, в Арктике развивалось многостороннее сотрудничество с участием стран, представляющих противоположные военно-политические блоки. Речь идет о развитии научных обменов, заключении в 1973 г. Соглашения о сохранении белых медведей и Соглашения о сотрудничестве СССР и США в борьбе с загрязнением в Беринговом и Чукотском морях в чрезвычайных ситуациях (1989 г.). В 1987 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев предложил превратить Арктику в «зону мира», открыв Северный морской путь (СМП)[1].

Последовавший в 1991 г. распад СССР кардинально изменил геополитический ландшафт. Россия, переживавшая на тот момент глубокий кризис, была вынуждена принять западные правила игры, что позволило в 1996 г. учредить АС. Однако фундаментальные проблемы – статус Северного морского пути, расширение НАТО, права на континентальный шельф – не были урегулированы, а лишь отложены. Сложившийся в этот период «имитационный консенсус» сохранял устойчивость лишь до тех пор, пока Россия не восстановила субъектность и потенциал для проведения самостоятельной внешней политики, а также оспаривания невыгодных для нее правил. Начиная с 2014 г., накопленные латентные противоречия стали перерастать в открытую контестацию.

Состав участников как фактор контестации. Важным элементом концепции «контестованного управления», предопределяющим уровень и глубину сотрудничества, а также степень оспариваемости, является состав и асимметрия участников ключевых многосторонних институтов, прежде всего, Арктического совета. Этот межправительственный форум объединил 8 государств, 2 из которых – Россия и США – являются глобальными оппонентами, а 7 входят в НАТО и следуют в фарватере американской политики. При этом Китай как один из наблюдателей в АС создает дополнительные линии напряжения. Институт, построенный на консенсусе, стал заложником интересов наиболее антагонистичных игроков. События 2022–2026 гг. подтвердили это: обострение украинского конфликта привело к параличу АС, выходу России из профильных парламентских форматов и прекращению работы «северного измерения». В случае, когда интересы членов кардинально разошлись, а влияние игроков было несопоставимо, оспариваемость из перманентного процесса переросла в кризис и разрушение институциональных механизмов. Именно эта структурная конфликтогенность и объясняет, почему Арктика, долгое время считавшаяся образцом сотрудничества, не смогла избежать коллапса при столкновении с логикой великодержавного соперничества.

Применимость концепции к анализу современной Арктики. С помощью концепции «контестованного управления» можно описать и объяснить несколько ключевых особенностей ситуации в регионе.

1. Формальное сохранение институтов: ни сотрудничества, ни полного разрыва. После 2022 г. Россия вышла из большинства «северных» форматов либо была исключена из них. При этом институциональная форма взаимодействия в рамках Арктического совета сохранилась. С 2024 г. возобновились заседания рабочих групп с участием всех стран «арктической восьмерки». Вместе с тем политический диалог в АС заморожен: министерские сессии не проводятся с 2021 г. Институт не разрушен, но реализация уставных целей АС невозможна: политическая функция парализова-

[1] *Горбачев М.С.* Речь на торжественном заседании, посвященном вручению г. Мурманску Ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 01.10.1987 // Правда. 02.10.1987. С. 1–3.

на, тогда как техническая продолжает выполняться.

2. Контестация среди союзников. Один из стратегических вызовов для США и других членов НАТО – активность Китая в Арктике. С целью предотвращения договоренностей Пекина с Гренландией Вашингтон избрал тактику давления на Данию. В январе 2025 г. Д. Трамп заявил о необходимости «приобретения» острова; в феврале 2026 г. НАТО запустило миссию «Арктический страж» (от англ. Arctic Sentry), призванную координировать военное присутствие и преодолеть раскол в альянсе, вызванный односторонними действиями США. Кейс показывает, что контестация возникает не только между противниками, но и среди союзников.

3. Китай: двойственный статус актора. Китай наращивает присутствие через проекты («Ямал СПГ», «Арктик СПГ-2») и инициативу «Полярный шелковый путь», не оспаривая суверенитет арктических стран, но переопределяя повестку через «проникновение» в регион. Пекин интегрирован в институты как экономический партнер и наблюдатель в АС, но воспринимается как политический оппонент. В обновленных стратегиях ряда участников и наблюдателей в АС (США, Канада, Швеция, Финляндия, Германия)[1] Китай наравне с Россией рассматривается как угроза безопасности, что делает его и участником, и объектом контестации.

4. Хрупкость функциональной кооперации. Смешанная российско-норвежская комиссия по рыболовству в 2024–2025 гг. согласовала квоты на вылов рыбы в Баренцевом море на 2025–2026 гг., между двумя странами сохранился научный обмен. При этом 2 сентября 2026 г. норвежские власти арестовали российское научно-исследовательское судно «Профессор Молчанов» на Шпицбергене. Кооперация Москвы и Осло остается хрупкой и подверженной политической конъюнктуре.

5. Контестация правового режима в Арктике. Инструментарий АС не рассчитан на урегулирование острых правовых разногласий, которые носят системный характер. К их числу относятся конкурирующие заявки на принадлежность континентального шельфа, противоречивые позиции по статусу СМП и свободе судоходства, а также альтернативные трактовки положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., используемые государствами как рычаг влияния в регионе.

В совокупности эти особенности свидетельствуют о том, что классические теории не в полной мере объясняют арктическую ситуацию. Концепция «контестованного управления» позволяет учесть эти аспекты и дать комплексный анализ. Сочетание институционального, военно-политического, экономического и правового измерений контестации характеризует современный порядок в Арктике как режим перманентной оспариваемости, в котором акторы с разнонаправленными интересами вынуждены взаимодействовать, не разделяя общих правил игры.

Формирование нового регионального порядка. С учетом выявленных особенностей региональной динамики в отношении Арктики применение концепции «контестованного управления» также дает возможность переосмыслить процесс формирования нового регионального порядка. В отличие от либерально-институциональной модели, предполагавшей развитие на основе общих норм и правил, в рамках «контестованного управления» предполагается, что новый порядок будет результатом непрерывного оспаривания и балансирования.

Контестация международной кооперации и военно-политической конкуренции является устойчивой характеристикой арктической системы на постсоветском этапе. Для этой системы на протяжении более трех десятилетий были характерны периоды совместной работы на треке многостороннего сотрудничества в условиях военно-политического соперничества [Wilson, Rowe, 2020: 1]. Идея о том, что большая часть межгосударственного диалога происходит, по сути, в «серой зоне» между классичес-

[1] Canada. Global Affairs Canada. Canada's Arctic Foreign Policy. Ottawa: Global Affairs Canada, 2024. 52 p. URL: http://www.library.arcticportal.org/2888/1/arctic-policy-politique-en.pdf (date accessed: 24.04.2026).

ким миром и классической войной [Bobbit, 2002], служит дополнительным обоснованием для вывода о формировании в Арктике постлиберального порядка, основанного на «контестованном управлении».

В данном контексте использование концепции «контестованного управления» позволяет конкретизировать вопрос столкновения арктических стратегий великих держав, которые задают основные подходы как в рамках АС, так и вне его:

– стратегия «суверенитета» (Россия), в рамках которой российской стороной оспариваются, в частности, либерально-институциональные нормы свободы навигации и универсального доступа, а также принадлежности континентального шельфа, декларируются исключительные права в прибрежной зоне и на СМП[1];

– стратегия «сдерживания» (США/НАТО), на основе которой рядом западных стран оспариваются, в частности, российская интерпретация Конвенции ООН по морскому праву, а также право России на развитие недр[2];

– стратегия «проникновения» (Китай), согласно которой китайская сторона использует состояние контестации в Арктике для наращивания своего влияния, не вступая в прямую конфронтацию с существующими институтами, но постепенно переопределяя их повестку через экономическое и научное присутствие, в том числе через инициативу создания «Полярного шелкового пути»[3].

С учетом изложенного отмечается последовательное усиление влияния внерегиональных акторов, что может быть описано через феномен «боязни упустить возможности» (от англ. FOMO – Fear of Missing out) [Spence, Conway, 2026: 5]. Наряду с Китаем о своих интересах в регионе заявляют и другие игроки. Европейский союз действует в качестве наднационального актора, продвигая климатическую и экологическую повестку, хотя результативность данного курса остается предметом дискуссии [Gricius, Raspotnik, 2024]. Индия, Япония и Южная Корея, получившие статус наблюдателей при АС в 2013 г., наращивают присутствие в Арктике, делая акцент на научно-технологическом сотрудничестве, развитии судоходных маршрутов и климатическом диалоге. Рост числа внерегиональных участников отражает тенденцию к фрагментации арктического управления.

Эта фрагментация проявляется и в институциональной архитектуре нового регионального порядка: на смену универсальным многосторонним форматам пришло сосуществование усеченных институтов, двусторонних механизмов и неформальных площадок. Легитимность решений институтов стала ситуативной и постоянно оспариваемой, зависящей от конкретной области. Роль великих держав приобрела доминирующий характер с формированием разнонаправленных альянсов с ограниченным числом участников.

Заключение. Работы зарубежных и российских исследователей создают методологический базис для анализа того, как за последние 30 лет в Арктике происходило непрерывное оспаривание норм и как состояние «оспариваемости» стало устойчивым режимом.

Период «имитационного консенсуса» (1990–2000-х гг.) завершился разбалансированием и фактической заморозкой арктического сотрудничества, что ярко проявилось в практике «контестованного управления».

Иллюзорная стабильность, основанная на временном откладывании фундаментальных противоречий, не смогла устоять перед восстановлением Россией своей субъектности и обострением глобального

[1] Концепция внешней политики Российской Федерации. 31.03.2023. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586 (дата обращения: 24.04.2026).

[2] The White House. National Strategy for the Arctic Region. Washington, D.C.: The White House, 2022. 15 p. URL: http://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf (date accessed: 24.04.2026); Department of Defense. 2024 Arctic Strategy. Washington, D.C.: Department of Defense, 2024. 28 p. URL: http://www.library.arcticportal.org/2889 (date accessed: 24.04.2026).

[3] The State Council Information Office of the People's Republic of China. China's Arctic Policy: White paper. Beijing: The State Council Information Office, 2018. URL: http://www.english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (date accessed: 24.04.2026).

соперничества. Крах либерально-институциональной модели выявил глубинные процессы оспариваемости, которые стали устойчивым режимом функционирования региональной системы. В этой связи «контестованное управление» является не просто аналитической рамкой, но и характеристикой формирующегося постлиберального порядка в Арктике. Этот порядок будет отличаться не упразднением институтов, а их перманентной оспариваемостью; не отсутствием норм, а их ситуативной интерпретацией; не исчезновением сотрудничества, а его сегментацией по функциональным трекам. Арктика становится лабораторией глобальной трансформации мироустройства. Применение концепции «контестованного управления» к анализу арктических стратегий великих держав позволит уйти от бинарных оппозиций (сотрудничество–конфронтация, институты–анархия) и увидеть сложную, многослойную картину возникающей региональной конфигурации.

Таким образом, отмеченное сосуществование конфронтации и сотрудничества, сохранение многосторонних институтов при утрате легитимности их решений, фрагментация архитектуры управления на фоне все большей деградации партнерского диалога получают осмысленное объяснение в рамках концепции «контестованного управления». Это открывает возможность для перехода к новому типу международного сотрудничества в Арктическом регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Атлас Арктики / под ред. А.Ф. Трешникова; Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР; Арктический и антарктический научно-исследовательский институт. М.: ГУГК, 1985. 204 с.

Боклан Д.С., Кашин В.Б., Лихачева А.Б. и др. Арктическая политика России: международные аспекты / под ред. С.А. Караганова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 56 с.

Журавель В.П. Вопросы обороны и безопасности в Арктике в контексте украинского конфликта // Современная Европа. 2024. № 3 (124). С. 150–160.

Лагутина М.Л., Харлампьева Н.К. Транснациональная модель арктического управления в XXI веке // Арктика и Север. 2011. № 3. С. 1–19.

Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб: Лань, 1999. 524 с.

Bobbitt P. The shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2002. 960 p.

Devyatkin P. Restraint and Diplomacy in Arctic Policy Cooperation Amid US–Russia–China Tensions // Quincy Brief (Quincy Institute for Responsible Statecraft). 2026. № 91 (January). P. 1–19.

Exner-Pirot H., Murray R.W. Regional Order in the Arctic: Negotiated Exceptionalism // Politik. 2017. Vol. 20. № 3. P. 47–64.

Federov V., Zhuravel V., Grinyaev S., Medvedev D. Scientific approaches to defining the territorial boundaries of the Arctic // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. Paper 012012. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012012.

Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. № 56. P. 167–198.

Gricius G. Beavers and Lions: Comparing Canadian and Norwegian Arctic Narratives // North American and Arctic Defence and Security Network (NAADSN), February 2023 (Strategic Perspectives). Peterborough, Ontario (Canada). P. 1–18.

Gricius G., Marinova I. The Arctic potential: cutting the Gordian knot of EU–Russia relations? // European Security. 2024. Vol. 34. № 1. P. 1–20.

Gricius G., Raspotnik A. The European Union's 'never again' Arctic narrative // Journal of Contemporary European Studies. 2024. Vol. 32. № 1. P. 52–65.

Ingimundarson V. Managing a contested region: The Arctic Council and the politics of Arctic governance // The Polar Journal. 2014. Vol. 4. № 1. P. 183–198.

Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 p.

Konyshev V., Lagutina M., Sergunin A. Science Diplomacy as a Form of Arctic Global Governance in the Age of Geopolitical Turbulence // Global Arctic. Springer, 2025. P. 395–415.

Konyshev V., Sergunin A. Russia in the Arctic: Hard or Soft Power? Stuttgart: Verlag, 2016. 180 p.

Spence J., Conway C. Arctic Security: Power Shifts and Transformational Change. Workshop Report, January 2026 / Belfer Center for Science and International Affairs; Fridtjof Nansen Institute. Cambridge, MA (USA), 2026. 16 p.

Steinberg P., Gerhardt H., Tasch J., Nyman E. Contesting the Arctic: Politics and Imaginaries in the Circumpolar North. London: I.B. Tauris, 2015. 209 p.

Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

Wiener A. A Theory of Contestation. Berlin: Springer, 2014. 95 p.

Wilson Rowe E. Arctic Governance: Power in Cross-Border Cooperation. Manchester: Manchester University Press, 2018. 164 p.

Wilson Rowe E. Analyzing frenemies: An Arctic repertoire of cooperation and rivalry // Political Geography. 2020. Vol. 76. P. 1–10.

Zürn M. A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy and Contestation. Oxford: Oxford University Press, 2018. 336 p.

Zürn M. On the Role of Contestations, the Power of Reflexive Authority, and Legitimation Problems in the Global Political System // International Theory. 2021. Vol. 13. № 1. P. 192–204.

REFERENCES

Atlas Arktiki / pod red. A.F. Treshnikova. Glavnoye upravleniye geodezii i kartografii pri Sovete Ministrov SSSR; Arkticheskiy i antarkticheskiy nauchno-issledovatel'skiy in-stitut. M.:GUGK, 1985. 204 s. (In Russ.) [Atlas of the Arctic / ed. by A.F. Treshnikov. Main Administration of Geodesy and Cartography under the Council of Ministers of the USSR; Arctic and Antarctic Research Institute. M.: GUGK, 1985. 204 p.] *Bobbitt P.* The shield of Achilles: War, Peace and the Course of History. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2002. 960 p.

Boklan D.S., Kashin V.B., Likhachev A.B. et al. Arkticheskaia politika Rossii: mezhdunarodnye aspekty / pod red. S.A. Karaganova. M.: Izd. dom Vishei shkoli ekonomiki, 2021. 56 S. (In Russ.) [*Boklan D.S., Kashin V.B., Likhachev A.B. et al.* Arctic policy of Russia: International aspects / ed. by S.A. Karaganov. M.: HSE Publishing House, 2021. 56 p.].

Devyatkin P. Restraint and Diplomacy in Arctic Policy Cooperation Amid US–Russia–China Tensions // Quincy Brief (Quincy Institute for Responsible Statecraft). 2026. № 91 (January). P. 1–19.

Exner-Pirot H., Murray R.W. Regional Order in the Arctic: Negotiated Exceptionalism // Politik. 2017. Vol. 20. № 3. P. 47–64.

Federov V., Zhuravel V., Grinyaev S., Medvedev D. Scientific approaches to defining the territorial boundaries of the Arctic // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 302. Paper 012012. DOI: 10.1088/1755-1315/302/1/012012.

Gallie W.B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. № 56. P. 167–198.

Gricius G. Beavers and Lions: Comparing Canadian and Norwegian Arctic Narratives // North American and Arctic Defence and Security Network (NAADSN), February 2023 (Strategic Perspectives). Peterborough, Ontario (Canada). P. 1–18.

Gricius G., Marinova I. The Arctic potential: cutting the Gordian knot of EU–Russia relations? // European Security. 2024. Vol. 34. № 1. P. 1–20.

Gricius G., Raspotnik A. The European Union's 'never again' Arctic narrative // Journal of Contemporary European Studies. 2024. Vol. 32. № 1. P. 52–65.

Ingimundarson V. Managing a contested region: The Arctic Council and the politics of Arctic governance // The Polar Journal. 2014. Vol. 4. № 1. P. 183–198.

Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton: Princeton University Press, 1984. 290 p.

Konyshev V., Lagutina M., Sergunin A. Science Diplomacy as a Form of Arctic Global Governance in the Age of Geopolitical Turbulence // Global Arctic. Springer, 2025. P. 395–415.

Konyshev V., Sergunin A. Russia in the Arctic: Hard or Soft Power? Stuttgart: Verlag, 2016. 180 p.

Lagutina M.L., Kharlampieva N.K. Transnatsional'naia model' arkticheskogo upravleniia v XXI veke // Arktika i Sever. 2011. № 3. S. 1–19 (In Russ.). [*Lagutina M.L., Kharlampieva N.K.* Transnational model of Arctic governance in the 21st century // Arctic and North. 2011. № 3. P. 1–19.].

Spence J., Conway C. Arctic Security: Power Shifts and Transformational Change. Workshop Report, January 2026 / Belfer Center for Science and International Affairs; Fridtjof Nansen Institute. Cambridge, MA (USA), 2026. 16 p.

Steinberg P., Gerhardt H., Tasch J., Nyman E. Contesting the Arctic: Politics and Imaginaries in the Circumpolar North. London: I.B. Tauris, 2015. 209 p.

Waltz K.N. Theory of International Politics. Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.

Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

Wiener A. A Theory of Contestation. Berlin: Springer, 2014. 95 p.

Wilson Rowe E. Arctic Governance: Power in Cross-Border Cooperation. Manchester: Manchester University Press, 2018. 164 p.

Wilson Rowe E. Analyzing frenemies: An Arctic repertoire of cooperation and rivalry // Political Geography. 2020. Vol. 76. P. 1–10.

Zürn M. A Theory of Global Governance: Authority, Legitimacy and Contestation. Oxford: Oxford University Press, 2018. 336 p.

Zürn M. On the Role of Contestations, the Power of Reflexive Authority, and Legitimation Problems in the Global Political System // International Theory. 2021. Vol. 13. № 1. P. 192–204.

Yatsenko N.E. Tolkovyi slovar' obshchestvovedcheskikh terminov. SPb: Lan', 1999. 524 s. (In Russ.). [*Iatsenko N.E.* Explanatory dictionary of universal human terms. SPb: Deer, 1999. 524 p.].

Zhuravel' V.P. Voprosy oborony i bezopasnosti v Arktike v kontekste ukrainskogo konflikta // Sovremennaya Yevropa. 2024. № 3 (124). S. 150–160. (In Russ.) [*Zhuravel V.P.* Defense and Security Issues in the Arctic in the Context of the Ukrainian Conflict // Contemporary Europe. 2024. № 3 (124). P. 150–160.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасов Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра прикладного анализа международных трансформаций Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).
E-mail: altarry@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander E. Tarasov, Ph.D. in History, research fellow of the Center for Applied Analysis of Global Transformations of Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).
E-mail: altarry@mail.ru